

Краснодарский край как витрина российской национальной политики*

Александр Осипов

Метафора «витрины» в заголовке не означает ерничества. Витрина – не каталог товаров и не финансовый отчет, но позволяет составить предварительное мнение о торговом заведении. Витрина не обязательно демонстрирует только то, что хотел бы показать владелец: безвкусное оформление, пыльные стекла и мышинный помет в углу порой не менее информативны, чем яркие упаковки, мишура и переливающиеся огоньки.

Многое из происходящего в Краснодарском крае (далее – КК) имеет привкус скандальности, и, возможно, российское правительство хотело бы, чтобы о национальной и миграционной политике в стране судили бы по какому-нибудь другому региону. Как бы там ни было, КК был и остается на виду; он гораздо чаще, чем другие субъекты Российской Федерации упоминается чиновниками, средствами массовой информации и академическими экспертами в связи с миграцией и этническими «проблемами». И краевые, и федеральные власти не пытаются скрывать или замалчивать то, что там происходит; бывший государственный министр В.Ю.Зорин даже прямо высказывался в том духе, что КК рассматривается Москвой в качестве модельного региона, на котором проверяются новшества федерального законодательства¹.

В крае есть на что обратить внимание. Губернатор делает выразительные заявления: *«По различным оценкам, в крае сегодня проживает от 15 до 20 тысяч турок-месхетинцев, что является очень серьезной проблемой. Я говорю, обращаясь к ним: не забывайте, что вы гости на нашей земле. Рано или поздно нам с вами придется проститься. <...> Большинство турок-месхетинцев не желает уезжать с нашей территории. Я думаю, будут подключены все механизмы и давления, и убеждения для того, чтобы количество выезжающих «гостей» увеличивалось с каждым годом»².*

В газетах, претендующих на солидность, нередко можно встретить такого рода тексты: *«Переселенцы социально не адаптированы, две трети из них проживают в крае без законных оснований, занимаясь нелегальным бизнесом. По данным ГУВД края, в тех районах Краснодарского края, где компактно проживают турки-месхетинцы, резко усилился незаконный оборот наркотиков и оружия. Кражи с полей стали настоящим бедствием. Случаются и более страшные преступления - убийства, изнасилования детей и стариков. Турецкое население почти не вносит вклада в бюджет края и районов. <...> Ситуация усугубляется тем, что турки-месхетинцы достаточно агрессивно требуют предоставить им права наравне с местным населением. Лидеры турецкого общества «Ватан» обращаются во все международные организации, требуя дать им возможность участвовать в выборах, а также отменить регистрацию на территории Краснодарского края, чтобы турки могли без ограничений жить в любом населенном пункте Кубани...»³.*

В течение шести лет (1991-1997 гг.) согласно Постановлению главы администрации края № 172 от 28 декабря 1991 г. тем, кто не имел российской прописки (на практике – прописки в крае), необходимо было получать у главы районной администрации разрешение на то, чтобы заключить брак. Периодически краевая власть выпускает официальные акты, которые указывают на отдельные национальности как на нежелательные для региона категории населения. Некоторые из этих актов устанавливали особый режим нахождения на территории региона определенной этнической группы – месхетинских турок, и поражали в правах тех, кто к этой группе относится. Организации, именующие себя «казачьими», время от времени избивают или даже порют плетьюми неугодных им «мигрантов» «не той» национальности, и не несут за это никакой

* Опубликовано в: Дياسпоры. 2004. № 4. С.6-37

ответственности. Можно продолжать этот список явлений, скажем так, не самых распространенных в настоящее время в России.

Коротко происходящее в крае можно описать следующим образом. Не скрываемое, а, наоборот, активно демонстрируемое содержание миграционной и национальной политики в КК с конца 1980-х гг. заключается в том, чтобы ограничивать регистрацию российских граждан и иностранцев по месту жительства и месту пребывания и ограничивать права лиц, не имеющих местной прописки, поддерживать разветвленную репрессивную систему контроля за «соблюдением паспортного режима», охранять «этнический баланс», то есть по возможности сдерживать прописку «неславянских национальностей». Подобная политика сопровождается жесткой антимигрантской риторикой; официальные заявления и газетные публикации изображают «мигрантов» как источник множества острых проблем.

В особом положении - месхетинские турки. В крае живет примерно 15-18 тыс. месхетинцев, большинство приехало туда из Узбекистана в 1989-1990 гг. после Ферганских событий⁴. Из-за целенаправленного, избирательного отказа местных властей они не получили регистрации по месту жительства; позднее под предлогом отсутствия постоянной регистрации их не признали гражданами РФ. Местные власти приняли специальные нормативные акты, которые ввели для турок особый режим проживания и ограничили их во всех основных правах. Не признаются их права собственности на жилые помещения и приусадебные участки, трудовые права, права на социальное обеспечение и медицинское обслуживание, не регистрируются браки, в свидетельства о рождении детей не вносят данные об отцах, невозможно получить паспорта или иные личные документы, невозможно продолжать образование после средней школы и т.п.⁵ Периодически возобновляется кампания запугивания и преследований; краевые и местные власти фактически проводят этническую чистку и открыто это признают: месхетинцам создаются невыносимые условия жизни, чтобы вынудить их уехать.

Я не разделяю свойственного многим масс-медийным и даже академическим публикациям подхода, который можно обозначить словом «экзотизация». КК порой описывается так, как будто он принципиально отличается от «обычных» субъектов и даже от других регионов Юга России. Напротив, я бы утверждал, что КК является, используя филологическую терминологию, случаем типическим, то есть, по выражению А.И.Солженицина – «не самым распространенным, но сгущающим суть эпохи». На мой взгляд, происходящее в крае в течение последних 15 лет аналогично наблюдаемому в большинстве других регионов, а отличия КК от усредненной «нормы» рельефно и наглядно показывают особенности и направленность будущих и текущих процессов в стране в целом. Основной вопрос статьи я бы сформулировал так: что принципиально новое привнесено в национальную и миграционную политику властями Краснодарского и насколько это новое противоречит общей логике и общей направленности происходящего в масштабах России?

Необходимы оговорки и пояснения. В России «миграция» часто обсуждается в этническом контексте и наоборот; этническая мотивировка политических решений нередко переплетается с аргументацией, основанной на миграционных категориях. Эта взаимосвязь требует подробного обсуждения, гораздо более подробного, чем я могу себя позволить в данной статье, поэтому примем здесь увязку миграции с этничностью просто как данность.

Используя категории «национальная политика», «миграционная политика»⁶, «миграция», «этнические группы», я ни в коей мере не хочу их реифицировать. Исходная точка моих рассуждений – отказ видеть в социальном феномене сущность и отказ представлять социальное отношение как вещь, существующую саму по себе. Общая тема разговора – социальное конструирование «миграции» и «национальных отношений» в региональном и национальном контексте. Вкратце социальное конструирование реальности может быть определено как взаимосвязанные процессы, с одной стороны,

институционализации субъективных значений и их включения в социальные структуры, с другой - включения социальных структур в систему субъективных значений⁷.

В этом смысле нет «чистого» конфликта как чего-то внешнего и объективно данного для тех, кто в нем участвует или кто его наблюдает. Окружающая действительность упорядочивается в головах на основе неких фоновых представлений о «конflikте» и соответствующих понятий; связанные с «конflikтом» представления и понятия в свою очередь организуют и легитимизируют действия людей. Нет этничности как свойства, как некоей квазиисторической или квазибиологической субстанции или программы, определяющей мышление и поведение. Есть отношение - определенные способы описания, социальной репрезентации и приписывания смыслов; этничность выступает, скорее как «способ высказывания, чем способ действия, способ привнесения значения во взаимодействие, чем тип взаимодействия»⁸. Нет причин отождествлять миграцию как перемещение физически «реальных» людей в физически «реальном» пространстве с миграцией как социальным феноменом. В социальном смысле физически «реальная» миграция не значима, коль скоро она не зафиксирована в общественном сознании, не включена в структуру принятых представлений, понятий и оценок и коль скоро действия по поводу «миграции» не институционализированы.

«Миграционные проблемы» и «конflikты» тесно связаны с вопросом о власти, в том числе власти «называть и вызывать к существованию при помощи номинации»⁹. Из этой перспективы «национальная политика» видится не как отношения монолитной официальной власти с «объективно» существующими «этническими группами», а деятельности различных агентов власти, репрезентируемая и легитимизируемая в этнических категориях. Соответственно, миграционная политика предстает как осуществляемая властными агентами деятельность, основанная на номинации и делении населения в миграционных терминах. Аналогично этническая и миграционная статистика отражает не социально значимые характеристики населения, а проводимую властью категоризацию.

Экзотизация КК в печати носит, если можно так выразиться, количественный или качественный характер. В первом случае делаются утверждения, что в крае имеют место в принципе те же явления, что и в других частях страны (внешняя миграция, изменение этнического состава), но их масштаб экстраординарен, что и вызывает непривычно радикальную реакцию властей и общества. Уже более 12 лет по самым разным изданиям с небольшими вариациями гуляет примерно один и тот же текст: *«Вследствие неодинаковых темпов увеличения численности этнических групп и различной интенсивности потоков миграции национальный состав населения края на протяжении 1990-х годов постоянно изменялся при сохранении численности и удельного веса славянского большинства, часть которого относит себя к кубанским казакам. В то же самое время миграционный прирост в 5-6 раз превышал общероссийские показатели и превратился в серьезную социальную проблему»*¹⁰.

Вроде бы серьезные авторы пишут, что миграция является не какой-нибудь, а *основной* социальной проблемой для КК¹¹ [Курсив мой. – А.О.]. Но стоит напомнить, что таких же спекуляций относительно миграционной ситуации в стране в целом появляется, особенно в последние годы, ничуть не меньше, чем текстов, посвященных КК и Югу России¹².

КК имеет себе мало равных среди российских регионов по числу и устойчивости циркулирующих мифов, отсюда следует неприятная обязанность их комментировать. Замечу, что критерии «нормальности» или «чрезмерности» миграционного оборота никем не установлены. Такие показатели, как масштаб или сальдо миграции бессмысленны с точки зрения вычисления демографической нагрузки на экономику - важен общий прирост населения. В КК (без Адыгеи, входившей в его состав до 1991 г.) в 1989 г. численность населения составляла 4620,9 тыс. чел.¹³, в октябре 2002 г., по предварительным данным Всероссийской переписи населения, - достигла 5124,4 тыс. чел.,

то есть за 13,5 лет население края выросло на 10,9%¹⁴. Называть прирост, составляющий менее 1% в год, «катастрофическим» можно только при чрезвычайно развитом воображении. Прирост населения КК в 1996 г. (это последний год с относительно высоким уровнем миграции в крае) составлял 0,5%, что было меньше, чем в Ингушетии (2,9%), Дагестане (1,3%), Ямало-Ненецком округе (0,8%), Белгородской области (0,6%) и не намного больше, чем, к примеру, в Калининградской (0,4%) или Тюменской (0,3%) областях¹⁵. С 1998 г., по данным текущего учета, в КК отмечается абсолютное сокращение населения¹⁶. Фантастические представления о находящихся в крае миллионе «мигрантов»¹⁷ или даже одних только беженцев и вынужденных переселенцев¹⁸ рождаются таким примерно образом – берется общее число людей, получившие прописку в крае за последние 12-13 лет, включая перемещавшихся внутри края¹⁹.

Забудем на секунду, что оценочные суждения об изменении этнического состава населения носят, в сущности, расистский²⁰ характер. Также забудем, что данные об «административной», или «статистической» национальности не отражают социально значимые характеристики населения в целом, включая владение языком, экономическое поведение, характер повседневных практик и пр. В 1989 г., русские составляли 86,7% населения края (без Адыгеи)²¹, в 2002 г. – 86,6%²². Турки, якобы «компактно» поселившиеся в крае и тем самым нарушившие «этнодемографический баланс», в Крымском районе, на территории своего «компактного» проживания составляют около 6,5% населения, в трех других районах их доля не превышает 2%. «Армянский анклав» на Черноморском побережье, по поводу которого очень волнуются власти и СМИ, существует по меньшей мере 100 лет – армяне традиционно составляют около 1/3 населения Адлерского района Сочи²³.

Экзотизация качественного характера означает отсылки к культурной или политической специфике региона, как-то: личным особенностям отдельных руководителей края, влиянию коммунистов, влиянию казачества. Можно упомянуть и куда более экстравагантные суждения, например, ссылки на особую региональную «идентичность»²⁴; мировоззренческий кризис бывшего губернатора края Н.И.Кондратенко и других руководителей после распада советской системы²⁵. В этом же ряду – утверждения о том, что на Юге России отсутствуют традиции мультикультурного сосуществования разных групп²⁶; непонятно, впрочем, чем крестьянская и казачья колонизация Поволжья, Урала и Сибири, как и связанная с ней этническая чересполосица, отличаются от того же самого в Предкавказье.

Н.И.Кондратенко действительно в бытность свою губернатором (1996-2000 гг.) запомнился множеством резких заявлений, в том откровенно расистского характера. Однако, к моменту его избрания нормативная и идеологическая основа «миграционной» и «национальной» политики в крае уже полностью сложилась, и Н.И.Кондратенко не добавил к ней ничего существенно нового. В 1988-1991 гг. Н.И.Кондратенко, будучи председателем Краснодарского краевого Совета народных депутатов, приложил руку к усилению прописочных ограничений; по крайней мере, его подпись стоит под несколькими соответствующими документами. Однако, вряд ли кто-либо возьмется утверждать, что в 1989 г. на краевом уровне принципиальные решения принимал председатель исполкома и что его роль более важна, чем роль первого секретаря обкома КПСС.

Ключевой для КК нормативный акт, который касается режима регистрации, и положения которого воспроизводятся во всем более позднем законодательстве региона – Решение Краевого Совета народных депутатов от 7 августа 1992 г. – был принят тогда, когда у власти в крае стояли самые что ни на есть демократические силы. Под уже упоминавшимся Постановлением главы Администрации края № 172 о необходимости получать разрешение на заключение брака стоит подпись ельцинского назначенца В.Н.Дьяконова. Решение крайсовета от 7 августа 1992 г. и первый нормативный акт о турках-месхетинцах, прямо ограничивающий их права по этническому признаку –

Решение Малого Совета № 97 от 12 февраля 1992 г. - подписаны другим отцом кубанской демократии и впоследствии верным «яблочником» – А.М.Ждановским. Ни к коммунистам, ни к «национал-патриотам» не приходится относить ставленника Б.Н.Ельцина, губернатора края в 1993-1994 гг. Н.Д.Егорова и его преемника Е.М.Харитонова (был главой краевой администрации в 1994-1996 гг.). Ныне действующий губернатор, хоть и отличается наиболее жесткой политикой и риторикой в отношении меньшинств и «мигрантов», но к «национал-патриотам» имеет отдаленное отношение.

Роль этнокультурных проектов и пропаганды «толерантности»

Бытует мнение о том, что объектом так называемой «национальной политики» выступают этнические группы как таковые. Иными словами, государство дружит или борется с «общинами» в целом. Например, В.И.Мукомель, предлагая модели политики в отношении меньшинств, четко и без оговорок выделяет регионы, ведущие политику «конфронтации» с этническими меньшинствами (как Краснодарский и Ставропольский края), политику «конструктивного сотрудничества» с ними (Астраханская, Оренбургская и др. области) или же поддерживающие баланс между ксенофобскими настроениями большинства и «интересами» меньшинств (Волгоградская область)²⁷. Есть другое, не менее странное, представление о том, что этнокультурные проекты и общение с формальными организациями меньшинств «улучшают» «межнациональные отношения» и позволяют бороться с дискриминацией и ксенофобией. Я утверждаю, что этнокультурные проекты и риторическая поддержка «многонациональности» вполне совместимы с официальным «языком вражды» и исходящей от государства дискриминацией, чему КК служит наглядной иллюстрацией.

При всех различиях «национальная политика» в разных регионах России состоит из одних и тех же компонентов²⁸. А именно, в структуре региональных исполнительных органов есть подразделение, отвечающее за эту самую политику, региональная власть регулярно общается с этническими общественными объединениями, поддерживает (в том числе финансово) различные фольклорные мероприятия, а также конференции и «круглые столы» на тему «межнациональных отношений», изредка предоставляет этническим организациям на льготных условиях помещения и поощряет различные ассоциации организаций, представляющих разные этнические группы (типа региональных «Ассамблей народов»). Кроме того, в большинстве регионов имеется по несколько школ, где преподаются языки меньшинств. Все это, как правило, отражается в какой-нибудь региональной концепции национальной политики (строго говоря, не имеющей никакой юридической силы) и даже в соответствующей программе развития (совершенствования, гармонизации и пр.) национальных отношений. Риторически полиэтничность населения нигде не отрицается и комментируется как в принципе позитивное или нейтральное обстоятельство; практически везде в официальных текстах и заявлениях можно найти формулы типа «наш регион, где всегда мирно жили 120 национальностей». Но при этом почти всегда в той или иной форме проблематизируется миграция, иногда «хорошие» коренные жители, относящиеся к меньшинствам, противопоставляются «плохим» мигрантам²⁹.

Краснодарская «национальная политика» включает в себя то же, что и «национальная политика» в считающихся «благополучными» регионах³⁰. Официально декларируется, что деятельность органов государственной власти в крае направлена на «сохранение гражданского мира и межнационального согласия, утверждение принципа равноправия представителей народов различных национальностей и вероисповедания, проживающих в крае, укрепление взаимоуважения и взаимопонимания между ними»³¹. Еще 12 лет назад одновременно с Решением об ограничении миграции от 7 августа 1992 г. Краснодарский краевой Совет принял «Программу стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае», которая содержала отсылки к «возрождению»,

«развитию» и «сотрудничеству» этнических групп. С 1999 г. краевые власти оказывают в разных формах поддержку шапсугам, живущим в Туапсинском районе и в Лазаревском районе Сочи и включенным в перечень коренных малочисленных народов РФ. Так, с 2001 г. в краевом бюджете каждый год предусматривается выделение 2 млн. руб. на различные связанные с шапсугами проекты и мероприятия. С 1992 г. в Краснодаре на правах региональной общественной организации существует Центр национальных культур, включающий в себя более 30 этнических обществ. ЦНК пользуется предоставленным на льготных условиях помещением, краевые и городские власти общаются с Центром и постоянно его рекламируют. По аналогии при поддержке властей были созданы Центры национальных культур в Новороссийске и в Лазаревском районе Сочи. В Сочи же находится единственная на всю Россию лаборатория этнокультурного образования. По официальным данным, в крае (в основном на Черноморском побережье) языки меньшинств (в том числе армянский и грузинский) преподаются или используются как средство обучения в 57 общеобразовательных школах, где или ведется преподавание языков меньшинств или эти языки используются³². Отдельно стоит упомянуть множество фольклорных мероприятий и посвященных «дружбе народов» «круглых столов», в которые участвуют краевые и местные власти и которые они поддерживают, по крайней мере, морально.

Я далек от утверждения, что этнокультурные проекты только играют роль камуфляжа. Они очень органично вписываются в ту этнически централизованную картину мира, которую рисуют в своих текстах чиновники и обслуживающие их академические эксперты. Общество представляет собой конгломерат этнических групп, каждая из которых является своего рода коллективной личностью со своими «правами» и «интересами»; в свою очередь этничность является социально значимой характеристикой индивида. Группы «развиваются» и находятся между собой в состоянии вражды или сотрудничества. Задача государства из этой перспективы представляется как «управление» «межэтническими отношениями», поддержка «полезных» и противодействие «вредным» или дестабилизирующим проявлениям. «Развитие этнической культуры», понимаемой, как правило, в фольклорно-этнографическом смысле, не только как нечто «естественное», но и полезное в утилитарном смысле, поскольку укрепляет лояльность носителей той самой «этнической культуры». Коль скоро этнические группы представляют собой консолидированные «общины», необходимо наладить общение с репрезентантами этих «общин», на какую роль, как оказывается, невозможно подобрать кого-либо кроме лидеров формальных этнических организаций. Напротив, приписываемая меньшинству активность в области миграции, предпринимательства, политики выглядит как «нарушение баланса» и подлежит как минимум риторическому осуждению.

И позитивная репрезентация разных этнических групп, как и вообще «многонациональности» населения, и риторика, направленная против «нарушителей» «этнического баланса», как и соответствующие практики, контекстуальны и ситуативны. При этом и то, и другое уместается в рамках «национальной политики», выступающей как символическая и, при наличии возможностей, институциональная организация общества как поля взаимодействия воображаемых этнических групп.

В последние годы власти самых разных уровней быстро освоили и полюбили новую игрушку – «развитие толерантности». Само по себе понятие «толерантности» проблематизирует только особенности сознания и поведения, и тем самым выводит за скобки институциональные проблемы. Для примера – сотрудник милиции останавливает людей, которые выглядят как «кавказцы», и проверяет у них документы со всеми вытекающими последствиями не из-за личных антипатий или особенностей воспитания. Дело в существовании паспортной системы, которая создает и стимулы, и возможности для таких проверок. Если мы говорим только о «культуре» сотрудников милиции и «забываем» про паспортную систему в целом, то тем самым утверждаем, что в ней ничего

не нужно менять³³. Есть и еще один аспект: в нынешнем исполнении пропаганда толерантности вполне гармонирует с привычными представлениями о том, что общество разделено по этническим линиям и в окружающих надо видеть прежде всего представителей той или иной этнической группы.

Возьмем для сравнения Самарскую область, которая считается чуть ли не образцом «национальной политики». В области есть множество этнических общественных организаций, власть ведет с ними постоянный диалог, регулярно финансирует их мероприятия, областная государственная телерадиокомпания ведет передачи на нескольких языках меньшинств и пр. С другой стороны, именно Самарская область стала одним из первых регионов, где с 2002 г. проводятся милицейские операции «Табор» с четким этническим прицелом. Милиция ведет себя так же, как и в других частях страны, более того, именно Самаре принадлежит сомнительный приоритет в изобретении такого трюка, как проверка на вокзалах и в аэропорту местной регистрации у людей, **уезжающих** из области. На своем заседании ноября 2004 г. областная антитеррористическая комиссия обсуждает едва ли ни в тех же выражениях, что и краснодарская краевая администрация, пакет мер по проверке и выселению за пределы области всех незарегистрированных иностранцев. «Во многих случаях *этнические группы* пребывают на территории губернии без регистрации. Они занимаются различной деятельностью; но все должно быть в рамках закона!» (Начальник Управления ФСБ по области Виктор Евтушенко)³⁴ [Курсив мой. – А.О.].

Этнические клубы и фольклорные мероприятия имеют весьма отдаленное отношение к повседневной жизни большинства людей, которые власть воспринимает как меньшинства. Активисты формальных организаций и подавляющее большинство якобы представляемых ими «членов общины» существуют в разных измерениях и разных социальных ролях³⁵. Следствие - этнические общественные объединения за редкими исключениями не защищают права своих якобы соплеменников и соотечественников. Напротив, как правило, они демонстрируют полную лояльность властям и разделяют предложенную повестку дня: «дружбу народов», фольклористику, предотвращение конфликтов и регулирование миграции. Краснодарский ЦНК ни разу за 12 лет своего существования не то что не высказал осуждения проводимой в крае политики, но неоднократно выступал с заявлениями поддержки. Более того, в октябре 2003 г. во время встречи с делегацией, состоявшей из представителей международных организаций, российских федеральных ведомств и посольства США руководители ЦНК стали объяснять собравшимся, что турки сами виноваты в своих проблемах, поскольку их лидеры ведут себя изолированно, не захотели вступать в ЦНК и вообще «противопоставляют свою диаспору коренному населению региона»³⁶. Организации турок здесь – исключение, которое подтверждает правило. Краснодарское отделение турецкого общества «Ватан», лидеры которого оказались в таком же бесправном положении, что и большинство месхетинцев в крае, действительно стоит на правозащитных позициях, но такое уже нельзя сказать о руководстве Международного общества «Ватан», озабоченном переселением месхетинцев в Грузию.

Этнокультурные проекты и позитивная репрезентация «многонациональности», с одной стороны, и дискриминационные практики, с другой, сосуществуют и дополняют друг друга в разных измерениях. Они не противоречат друг другу логически, поскольку выступают элементами организации социального пространства в рамках господствующего группоцентричного подхода. Они совместимы политически и организационно, поскольку предполагают разного рода деятельность с разными объектами приложения усилий. Наконец, можно говорить о полной дискурсивной сочетаемости; возможны совмещение разных, не противоречащих друг другу стратегий, оправдывающих исключение нежелательных или проблемных групп с одновременной позитивной репрезентацией культурного плюрализма в целом или отдельных групп-фаворитов. В частности, «охранная» стратегия в отношении так называемого «коренного

населения», противопоставляемого «мигрантам»³⁷ в разных комбинациях может соединяться с этнической категоризацией и «мигрантов», и общества в целом.

Одну из существенных черт языка, на котором ведется обсуждение миграционных «проблем», можно условно обозначить как множественность и сменность кодировок. В данном контексте словами «код» и «кодировка» можно обозначить отнесение предмета обсуждения к определенной смысловой области и использование для описания и оценок терминов из соответствующего понятийного ряда. Опять же условно можно выделить четыре кода, посредством которых передаются суждения о миграции: социальный (описание «мигрантов» в терминах социальных и экономических проблем), юридический, культурный и этнический. Смена кодировок имеет два важных следствия. Первое - понятия, используемые для описания миграционных «проблем», нагружаются дополнительными, обычно подразумеваемыми смыслами. Второе - элита, формирующая миграционный дискурс, получает дополнительные возможности для манипуляции. Например, возможность переключения с «этнического» кода на «юридический» позволяет отклонять обвинения в расизме и дискриминации, утверждая, что миграционная политика сводится лишь к борьбе с «нелегальными мигрантами» «независимо от национальности»³⁸.

Роль региональных властей и регионального законодательства

В литературе часто встречается вольная или невольная подмена понятий. Вместо паспортной системы обсуждается «миграция», которая нередко редуцируется к вынужденной и «нелегальной» миграции; вместо регистрации по месту жительства и ее эффектов - право на свободу передвижения; в качестве источника проблем фигурируют региональное законодательство и региональные власти, нарушающие «хорошие» федеральные законы. Паспортная система, то есть система учета и документации, гораздо сложнее, чем представляется на первый взгляд, и не сводится к прописке, или ныне регистрации по месту жительства³⁹. Как ни удивительно, паспортная система (а не просто правила регистрации), буквально пронизывавшая все стороны советского человека, и не в меньшей степени затрагивающая жизнь жителей России, почти не обсуждается и не анализируется в современной литературе⁴⁰.

Полноценная жизнь, то есть, реализация практически всех прав и свобод в России возможны только при двух обстоятельствах: наличии документа, удостоверяющего личность (для подавляющего большинства граждан таким может быть только внутренний паспорт) и наличии жилого помещения, где гражданин может получить регистрацию по месту жительства и куда он/она может «вселиться» в соответствии с нормами жилищного законодательства. Эта система ограничительна, дискриминационна и репрессивна, причем в основном по причинам технологического, а не идеологического характера. Есть много вполне законопослушных граждан, которые объективно не соответствуют требованиям паспортной системы: по каким-то причинам отсутствует паспорт, нет жилья, где можно получить регистрацию и пр. При этом отсутствие жилья не обязательно означает отсутствие крыши над головой в физическом смысле, чаще всего приходится говорить о том, что владелец или совладелец жилья не дает согласия на регистрацию съемщика. Отсутствие же одновременно и паспорта, и жилья означает полное выпадение из легального поля и нормальной жизни с незначительными шансами вернуться обратно. Отдельного обсуждения требуют усложненность и запутанность всех связанных с паспортной системой процедур.

Система дискриминационна, поскольку граждане с разными паспортами (внутренний паспорт или заграничный паспорт у постоянно живущих за рубежом), регистрацией по месту жительства в разных местах или с регистрацией разных типов (по месту жительства и месту пребывания) в своей стране обладают совершенно разным

объемом прав. Наконец, система репрессивна – во-первых, она лишает людей прав, во-вторых, включает в себя полицейские механизмы контроля и наказания уклоняющихся. Фрагменты работы этих механизмов каждый может наблюдать ежедневно на улицах, в первую очередь крупных городов. Охота милиции на незарегистрированных по цепочке влечет за собой социальное исключение в других областях жизни: потенциальным объектам проверок, в первую очередь выходцам с Кавказа, стараются не сдавать жилье, не брать их на работу, не заключать с ними сделок и т.д.

Одна из общих черт современной российской паспортной системы и советской паспортной системы, что обе во многом работают по неписанным правилам. Ч.2 Ст.3 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» 1993 г. вроде бы устанавливает, что регистрация или отсутствие таковой не могут являться основанием для ограничения или условием реализации прав и свобод граждан; в этом же духе неоднократно высказывались Конституционный и Верховный Суды РФ. Практика остается кардинально иной – практически все права привязаны к паспорту и прописке. В частности, производным от института прописки оказывается институт гражданства. Вопреки закону, но по сложившейся практике, власти всех уровней признали российскими гражданами, не всех, кто постоянно жил на территории России на момент вступления в силу Закона о гражданстве 1991 г., но только тех, кто имел прописку. Получить гражданство в упрощенном порядке регистрации на территории России реально могли только те, кто имел в стране постоянную регистрацию.

Еще одно важное следствие – появление в публичном пространстве понятия «легальное/нелегальное проживание», использование его применительно к российским гражданам наряду с иностранцами и рассмотрение регистрации в качестве критерия «легальности». Хотя такой подход не соответствует закону, он стал очень широко распространен и лег в основу политики в отношении бывших советских граждан, живущих на территории РФ. Ранее действовавшее советское законодательство об иностранцах не распространялось на бывших советских граждан, хотя бы в силу того, что оно не могло автоматически изменить свое действие по кругу лиц. После распада СССР бывшие советские граждане попадали под те же правила регистрации, что и признанные россиянами. В отношении бывших советских граждан (за исключением жителей стран, в отношении которых вводился визовый режим) не было установлено никаких ограничений на въезд в РФ, не были ограничены сроки проживания и право на постоянное жительство, так же как и трудоустройство⁴¹. С октября 2000 г. на бывших советских граждан закрытыми инструкциями МВД распространяется действие законодательства СССР о правовом положении иностранных граждан; в июле 2002 г. принимается Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Новый порядок фактически основывается на том, что в качестве легально проживающих рассматриваются только имеющие в России регистрацию по месту жительства. Все остальные, не нарушившие никаких запретов, но живущие по временной регистрации и или без регистрации вообще – уравниваются в положении с теми, кто въезжает в страну, тем самым оказываются в положении нелегальных мигрантов и клеймятся в прессе как «нелегальные мигранты»⁴².

При оценке значения региональных правил регистрации следует начать с того, что с начала 90-х годов до настоящего времени такие правила имели едва ли 30 субъектов федерации из 89. Начавшаяся в 2000 г. кампания по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным еще более сократила их число и значение. Если описывать ситуацию коротко, в рамках советской или российской паспортной системы все претенденты на регистрацию по месту жительства делятся на три группы: получающие прописку безусловно (владельцы жилья, их ближайшие родственники и некоторые другие категории), не получающие прописку в принципе (те, у кого отсутствует паспорт и жилье) и те, кто могут получить, а могут не получить прописку по

усмотрению регистрирующих структур. Последняя возможность ставится в зависимость от многих обстоятельств: позиции жилищных организаций, нормы жилой площади, состояния правоустанавливающих документов на жилье, снятие с учета по предыдущему месту жительства и пр. В советский период прописка для этой категории прямо носила разрешительный характер, в настоящее время исполнители пользуются свободой усмотрения в основном в силу сложившихся неформальных практик.

В чем роль региональной прописочной политики и региональных правил? Прежде всего, они не затрагивают саму систему, ее принципы и основные механизмы исключения и репрессий. Региональные правила, во-первых, устанавливают ограничения, касающиеся временного пребывания (в основном по срокам). Во-вторых, они уточняют и иногда сдвигают в ту или иную сторону границы между тремя категориями претендентов на регистрацию, поскольку ставят дополнительные условия регистрации. В-третьих, они прямо декларируют, то есть выводят из тени и упорядочивают и так реально существующий разрешительный порядок регистрации в отношении промежуточной категории № 3. В-четвертых, в ряде случаев региональное законодательство (не только правила регистрации) прямо увязывает возможность реализации прав с наличием местной прописки. Эти черты присущи и всем принятым в КК нормативным актам о регистрации⁴³.

В таком свете увидеть специфику КК очень непросто. Краснодарские власти не рассматривают турок, живущих с 1989 г. без прописки, в качестве российских граждан? – такова политика исполнительной власти в отношении всех бывших советских граждан, оказавшихся в подобном положении. Бывшие советские граждане, не имеющие регистрации, обозначаются и преследуются как «нелегальные» мигранты? – это общефедеральный подход. Наряду с иностранцами в качестве «нелегально проживающих» власти рассматривают и российских граждан без местной регистрации? – на таком подходе основан, например, Закон Ставропольского края «О мерах по пресечению незаконной миграции в Ставропольском крае» от 24 июня 2002 г. № 27-КЗ; такую же позицию неоднократно демонстрировали власти Москвы и многих других регионов, особенно в отношении выходцев из Чечни. Краснодарские власти ставили в особо ущемленное положение тех, в ком они видели иностранцев, и ограничивали их регистрацию? – Краснодар просто несколько опередил федерального законодателя, и таковы теперь основы общей политики в отношении бывших советских граждан.

Заметное отличие КК в том, что власти региона пытаются в максимальной степени использовать все возможности, предоставляемые паспортной системой. В частности, паспортная система используется как инструмент давления на определенную этническую группу – месхетинских турок⁴⁴. Опять же надо подчеркнуть, что не краснодарские власти изобрели эти механизмы – возможность таких манипуляций изначально заложена в самой паспортной системе. Но и здесь специфика края относительна. Использование возможности действовать по усмотрению при предоставлении регистрации широко, например, используется для дискриминации чеченцев практически по всей стране, но наиболее активно – в Московском регионе.⁴⁵

Рассуждения о самостоятельности местных властей в КК были бы куда более убедительными, если бы имело место противодействие со стороны федеральных властей. Справедливости ради надо сказать, что прокуратура несколько раз приносила протесты на отдельные положения региональных правил регистрации, не покушаясь на эти правила и на саму систему. Но в целом на деле сложно говорить даже о молчаливом попустительстве. Федеральные ведомства еще в 90-е годы много раз выражали поддержку краснодарским властям, в частности, в том, что касалось турок, причем аргументация совпадала даже текстуально⁴⁶. После 2000 г. такого рода заявления высокопоставленных федеральных чиновников встречаются еще чаще. Заявления заместителя главы Администрации Президента РФ В.Ю.Суркова о том, что у Кремля нет никаких разногласий с властями КК относительно национальной и миграционной политики, были

сделаны в Краснодаре в мае 2002 г. при большом скоплении народа и широко растиражированы прессой⁴⁷. Краснодарскую антимиграционную политику во всех ее проявлениях открыто поддерживает Южный федеральный округ⁴⁸. При обсуждении проблемы дискриминации краснодарских турок в международных организациях представители России отрицают саму проблему и пытаются перевести разговор на тему переселения в Грузию. Президент В.В.Путин во время интервью краснодарским СМИ в сентябре 2002 г. говорил следующее: *«Мы же не можем позволить, чтобы кто-то решал свои проблемы за счет тех, кто живет на территории Российской Федерации сегодня. Вот возьмем тех же турок-месхетинцев – при свободном передвижении, они, пожалуйста, могут выехать назад в Грузию, в места своего традиционного проживания. Грузия их не примет. Почему мы должны нести эту социальную, экономическую нагрузку?»*⁴⁹. Заявление, сделанное спустя год: *«Пока турки-месхетинцы живут в России, они должны жить нормально, соблюдая наши законы»*⁵⁰; ни слова о нарушениях их прав, все остальное в сообщении – о переселении в Грузию.

Взглянем на проблему несколько шире. Почти все, кто имеет право голоса в российском публичном пространстве, когда речь заходит о КК, говорят в общем одно и то же, хотя у политиков, чиновников, экспертов и журналистов вроде бы разные роли и интересы. Но на чем почти все открыто или по умолчанию сходятся принципиально? Живущие без регистрации являются нелегальными мигрантами⁵¹, турки-месхетинцы и другие группы, оказавшиеся в 1992 г. без прописки – неграждане, миграция является социальной и политической проблемой, изменение «этнического баланса» - реальность и проблема, которая должна разрешаться. Почти все по умолчанию соглашаются с идеей «черты оседлости»: обращение к теме турок обязательно влечет за собой разговор о регионах Центральной России, которые им были якобы «выделены», и о необходимости ехать на свою «историческую родину» - в Грузию. Даже сочувственные по отношению к месхетинцам тексты содержат упоминания о необходимости обеспечить «цивилизованное пребывание» турок в России или найти для них «цивилизованное решение», то есть, подразумевается, что такое решение пока не известно⁵².

Проблематизация миграции и этничности в терминах конфликта

В России подход к миграции и этническим «проблемам» как причине и проявлению «конflikта» стал настолько хорошо освоенным и широко распространенным, что его даже тиражируют официальные документы федерального уровня, не говоря про множество академических текстов. Завуалированный выпад против «мигрантов» содержит даже приглашенная Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г.: *«Наиболее остро они [проблемы межнациональных отношений] проявляются в местностях, соседствующих с зонами открытых конфликтов, местах сосредоточения беженцев и вынужденных переселенцев»*.

Тексты, произведенные в Краснодарском крае или по поводу Краснодарского края, более выразительны. Совет Федерации РФ в своем Постановлении № 337–СФ от 10 июля 2002 г. охарактеризовал наличие в Краснодарском крае «мигрантов» как проблему и угрозу: *«В Краснодарском крае наметился заметный этносоциальный перекоп с возможными политическими последствиями, характеризующийся нарастающей численной диспропорцией коренного населения края и мигрантов, что создает условия для межнациональной напряженности среди жителей края»*.

Из Решения Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 14 апреля 1990 г. № 148 «О неудовлетворительном выполнении решения X-ой сессии краевого Совета XX созыва в части приостановления прописки в крае»: *«...несанкционированное переселение турок-месхетинцев, курдов, азербайджанцев, армян в перенаселенные районы края с целью постоянного жительства резко возросло и приобрело массовый характер. <...> Все это вызывает крайне нездоровую реакцию среди*

местного населения. До взрывоопасного уровня возросла напряженность в межнациональных отношениях. На массовых сходах, митингах жители края в Крымском, Абинском районах требуют приостановить нарастающую тенденцию образования новых очагов межнациональной розни, не допустить неуправляемого развития событий в этом направлении»⁵³.

Из Постановления Главы Администрации Краснодарского края от 12 марта 2001 г. № 174 «О мерах по преодолению социальной напряженности и негативных последствий избыточной миграции в Краснодарском крае»: *«Вооруженные конфликты в республиках Северного Кавказа и Закавказья, особенно в Чеченской Республике, оказали дестабилизирующее влияние на этнополитическую и социально-экономическую обстановку в Краснодарском крае. Последствиями этих событий стала неконтролируемая обвальная миграция в край, не имеющая аналогов в прошлом. <...> В краевые органы государственной власти и местного самоуправления поступают многочисленные обращения граждан, требующих остановить бесконтрольный поток миграции, создающий социальную и межэтническую напряженность в крае»⁵⁴.*

Нет причин утверждать, что конфликтный дискурс является исключительно пропагандистским трюком - он слишком хорошо вписывается в привычное эссенциалистское восприятие этничности. В любом случае использование такого концепта, как «конфликт» позволяет решить сразу несколько задач. Коль скоро стабильность признается приоритетной ценностью, интерпретация миграционных «проблем» как конфликта позволяет оправдать практически любые действия, в том числе противоправные и репрессивные, по отношению к меньшинствам, которые своим присутствием «провоцируют» конфликт. Оправданием могут служить и ссылки на волю населения или избирателей. «Конфликтный» подход позволяет снять с власти ответственность за происходящее, поскольку конфликт является продуктом «объективных» процессов межэтнического взаимодействия, различия интересов или культурных особенностей. Наконец, понятие «конфликт» позволяет подменять понятия и выносить за скобки много неудобных вопросов – в качестве «конфликта» можно истолковать нарушение прав человека, дискриминацию, агрессивные действия «ультра», стереотипизацию меньшинств в СМИ и пр.

На практике (вос)производством конфликтного дискурса власти занимаются в тесном взаимодействии с академическими экспертами. Конфликтология и «этнополитология» как области деятельности настолько своеобразны, что заслуживают особого внимания. «Научное мнение» используется для обоснования административных решений, суждение чиновника выступает в академическом тексте как экспертное мнение, и представитель научного сообщества, и чиновник заимствуют друг у друга и применяют одни и те же идеи и фигуры речи. Кроме того, одни и те же люди попеременно выступают в роли академических работников, чиновников и сотрудников СМИ. До смены власти в КК после августа 1991 г. край был примечателен только примитивными прописочными ограничениями и отдельными ксенофобскими высказываниями краевого и районного начальства. Новая демократическая власть привела в аппарат краевого Совета выходцев из Кубанского университета, интересующихся этническими проблемами. В результате под борьбу с мигрантами и поражение в правах турок была подведена целая идеология «гармонизации межнациональных отношений». Ниже я буду цитировать М.В.Савву, не из-за особых достоинств его текстов, а по причине их многочисленности. В своих публикациях этот автор всегда предусмотрительно умалчивает о том, что ситуация в КК, описываемая М.В.Саввой, сложилась такой, какая она есть, при живейшем участии Саввы М.В., когда тот был сначала сотрудником аппарата краевого Совета в 1991-1993 гг., затем руководителем Управления по делам национальностей и вопросам миграции Администрации края в 1993-1994 гг., а затем и главой Департамента Министерства РФ по делам национальностей и даже членом Межведомственной комиссии при Правительстве РФ по проблемам турок-месхетинцев в 1994-1995 гг.

М.В.Савва заявил однажды о том, что существует «порог толерантности», иными словами, если доля «мигрантов» в составе населения превышает 15%, то автоматически начинаются вражда и конфликты⁵⁵ – и с тех пор про «порог толерантности» регулярно упоминают краснодарские чиновники и СМИ⁵⁶. Идея тиражируется в официальных документах КК⁵⁷ – и М.В.Савва высказывается о том же самом⁵⁸ (но только снижает следом за чиновниками «порог» до 10%)⁵⁹.

С академическими экспертами связаны три разные проблемы. Первая заключается в том, что большинство пишущих следует эссенциалистскому подходу к этничности, причем скорее **стихийно** эссенциалистскому, без исследовательской рефлексии. Можно говорить просто о некритическом использовании оборотов речи, утверждающих социальную релевантность этничности и представления о группах как социальных целостностях и самоочевидных субъектах общественных отношений. То, что эссенциализм в виде дискурсивного и методологического этноцентризма создает питательную среду для расистских представлений, комментируется в литературе⁶⁰, и это избавляет от необходимости здесь развивать эту тему. Следование эссенциалистским или каким-либо другим взглядам есть дело личного вкуса; идеологические параллели не могут служить истинности знания или корректности методологического подхода. Никому невозможно предъявлять какие-либо претензии, можно лишь констатировать определенное состояние дел.

Вторая проблема заключается в методологической некорректности большинства российских авторов, обращающихся к конфликтной тематике. В лучшем случае проводятся количественные исследования, результаты которых трудно интерпретируемы, поскольку изначально заложены в формулировках вопросов, отражающих представления самих авторов. На такой основе делаются выводы об «остроте» «межнациональных отношений», вплоть до того, например, что *«на Ставрополье сложились две диаметрально противоположные этносоциальные группы – благополучное в материальном отношении население закавказских и северокавказских этнических групп и неблагополучное в материальном отношении этническое большинство – русское население края»*⁶¹. В худшем случае приходится говорить о спекулятивной конфликтологии и спекулятивной «этнополитологии», когда исследования как таковые отсутствуют, а имеет место иллюстрирование заданной схемы подобранной статистикой и экспертным мнением чиновника. На такой основе уже пишутся целые монографии⁶² и работают большие мониторинговые проекты.

*«... Массовый и не всегда организованный приток мигрантов породил негативные процессы в экономике и политике Краснодарского края. В условиях проходившей приватизации и быстрого внедрения в экономику рыночных отношений это привело к дополнительному росту нестабильности и поставило процессы экономического и межнационального развития в прямую зависимость друг от друга. Это особенно характерно для районов компактного проживания диаспор, в первую очередь армян, турок-месхетинцев, а также курдов и чеченцев. <...> Конфликтность проблемы турок <...> усугубляется крайней вялостью процесса адаптации к экономическим и социальным условиям проживания ... <...> ... их отношения с местным населением оценивают как потенциально конфликтные. Это в значительной степени определяется глубокими социокультурными различиями, включая поведенческие стереотипы, экономические ориентации, жизненные ценности»*⁶³.

«В настоящее время на Кубани проживает не менее 500 тыс. армян, или 10% населения территории. Переселяются в край и мигранты других национальностей. Так, после ферганских событий 1989 г. здесь осело 13 тыс. месхетинских турок. Зачастую эти и другие группы мигрантов образуют компактные поселенческие массивы. Местную администрацию чрезвычайно беспокоят последствия столь интенсивных миграционных процессов, которые уже сейчас проявляются в учащении случаев конфликтных

столкновений на этнической почве (особенно выражено русско-армянское противостояние) и в ухудшении в крае криминальной обстановки»⁶⁴.

М.А.Аствацатурова, например, пишет о том, что *«наибольший конфликтогенный заряд несут массовая этническая миграция, образование новых диаспор турок-месхетинцев и курдов, «арменизация» края...»⁶⁵*. Между тем, ни сотрудники Московского Центра Карнеги, ни М.А.Аствацатурова, ни А.А.Язькова не были замечены в Краснодарском крае проводящими исследования среди турок; радикальные выводы делаются с чужих слов.

Третья проблема – просто пропагандистские манипуляции. Как, например, М.В.Савва описывает проблему месхетинцев? О том, что турки в подавляющем большинстве лишены прописки уже более 12 лет, что это результат целенаправленной политики, что были и продолжают действовать направленные против месхетинцев дискриминационные акты, что те, кто оформил прописку и гражданство в других регионах, но живут в КК, находятся в том же положении, как и те, кто этого не сделал, – он сообщает «забывает». Например, в Годовом отчете Сети раннего предупреждения конфликтов за 2003 г. помещены два текста М.В.Саввы, которые касаются турок. В одном ничего не говорится про прописку, а вскользь сообщается следующее: *«Из более чем 11 тыс. турок в крае лишь примерно 4300 чел. имеют российское гражданство. <...> Международное общество турок-месхетинцев «Ватан» (Москва) настаивает на политическом решении проблемы, то есть признании гражданства России за всеми членами общины»⁶⁶*. В другом про то, что многие турки не имеют прописки, упоминается только в одном месте в скобках, и ничего не говорится о причинах и масштабах. Надо думать, уклоняться от регистрации – это такая месхетинская национальная традиция.

А вот как интерпретируется общая ситуация: *«В результате действия ряда факторов, в частности, настороженного отношения представителей местного сообщества и местной власти, необъективных публикаций в прессе, у групп мигрантов может снижаться уровень готовности к интеграции с местным сообществом. Это приводит к явлению, которое можно назвать капсулированием группы. <...> Один из наиболее печальных и показательных примеров капсулирования в нашем регионе – турки-месхетинцы. <...> События весны-лета в Краснодарском крае 2002 г. можно характеризовать как конфликтную ситуацию, принявшую форму массового противостояния группы турок-месхетинцев (представляющих практически всю общину) и правозащитных организаций, с одной стороны, и власти с широкой группой поддержки в лице казаков Крымского и соседних районов – с другой. <...> Один информационный поток <...> был организован краевой властью и прессой. Вторым – автономной некоммерческой организацией "Новороссийский комитет по правам человека". <...> Общественные организации турок-месхетинцев не сумели выстроить действенную интеграционную стратегию, предусматривающую объективное информирование местного сообщества о своих проблемах и поиск союзников в самом местном сообществе»⁶⁷.*

Иными словами – проблема в отсутствии интеграции, а интеграция в первую очередь касается культуры и поведения. То, что турки подвергаются дискриминации, не могут работать, не могут получать образование, не могут регистрировать браки, то, что их не признают гражданами РФ и штрафуют на каждом шагу, что новорожденным уже не выдают свидетельства о рождении, – значения не имеет. В силу изолированности турок возникает конфликт, который разжигают, с одной стороны, пресса, с другой, турецкие лидеры и правозащитники⁶⁸ (надо понимать, столь же лживые и тенденциозные, как и пресса).

Прочитанные тексты М.В.Саввы появились в Годовом отчете Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, работающей на базе Института этнологии и антропологии РАН. Примечательно, что публикации Сети в целом стараются избегать темы отношения властей к туркам и другим меньшинствам в КК. Несмотря на наличие в Краснодаре корреспондентов и их регулярную работу,

сообщения из края появлялись в бюллетенях Сети в 1999 – 2002 гг. крайне редко, хотя, казалось бы, столько яркие события, происходящее в КК и вокруг него, должны привлекать особое внимание. Возможно, происходящее в крае с турками и другими меньшинствами не вписывается в какие-то теоретические построения руководства Сети. Ситуация изменилась только в 2003 г., когда в Сеть был включен М.В.Савва; с тех пор в Бюллетене Сети можно регулярно читать про фестивали православного кино и про «круглые столы» о развитии толерантности в крае⁶⁹.

На поставленный в начале статьи вопрос можно ответить следующим образом. В Краснодарском крае, как и в других регионах, действуют одни и те же механизмы институционального исключения, основанные на паспортной системе, и используются одни и те же способы репрезентации «многонациональности», в том числе основанные на категориях «конфликта» и «межэтнических отношений». Разница носит количественный характер – власти КК наиболее последовательно и радикально используют возможности, предоставляемые паспортной системой, и чаще, чем в других местах, прибегают к жесткой ксенофобской риторике. Лежащее на поверхности отличие КК – последовательное и открытое давление на определенную этническую группу – месхетинских турок (к которым постепенно добавляются курды). Но и специфика этого относительно, и ответственность не может быть возложена исключительно на региональные власти. Прямая дискриминация проводится в отношении и других категорий, в первую очередь чеченцев по всей стране; весьма показательны начавшиеся в 2002 г. милицейские операции «Табор». Целенаправленная дискриминация в отношении конкретной группы не вступает в логическое противоречие с основными принципами внутренней политики в стране, а, скорее, является их закономерным развитием – в Краснодаре просто назвали врага, то есть тех, кто не вписывается в установленные государством рамки, по имени.

Хотелось бы закончить статью на оптимистической ноте. Многие месхетинские турки в КК вытянули счастливый билет – у них появилась возможность уехать по специальной программе в США. По имеющимся к настоящему времени сведениям (ноябрь 2004 г.), реальные шансы эмигрировать имеет примерно половина живущих в КК турок – приблизительно 9 тыс. чел. Их эмиграция не означает, впрочем, что власти изменят политику в отношении турок или не найдут другого врага. Можно лишь позавидовать всем уезжающим и посочувствовать всем остающимся.

P.S. Хочется хотя бы обозначить еще два связанных с темой сюжета. Первый – чем прямолинейный национализм (например, в духе Н.И.Кондратенко) принципиально отличается от «защиты русских», продиктованной поляризованной репрезентацией «коренного населения» и «мигрантов» или идеями «национального развития русского народа» наряду с другими «народами» страны (в духе Р.Г.Абдулатипова)? Второй – как объяснить феномен казачества и всеобщее по крайней мере молчаливое одобрение связанных с ним начинаний не только в КК, но и по всей стране, в первую очередь в правительственных кругах? В юридическом смысле реестровое казачество не влезает ни в какие правовые рамки, лица казачьего происхождения (не говоря об активистах) даже в КК представляет меньшинство, казачьи лидеры часто и охотно демонстрируют взгляды крайнего толка и мелкоуголовные замашки. Относительно позиции властей есть хоть какие-то правдоподобные объяснения, но как видит свои перспективы большинство населения, риторически поставленное в положение подчиненных «иногородних»? Ищет себе хозяина? Что-то очень интересное происходит в головах...

¹ Российский региональный бюллетень. 2002. № 12-13.

² Не забывайте, что вы в гостях! // Призыв. 2001. 8 сентября.

³ «Троянский конь» месхетинской проблемы // Кубань сегодня. 2002. 1 февраля.

⁴ Касавшиеся месхетинских турок Постановление Совета Министров СССР № 503 от 26 июня 1989 г. и Постановление Совета Министров РСФСР № 220 от 13 июля 1989 г. не устанавливали для них никакого статуса и не предписывали селиться в определенных местах. Они говорили только о выделении дополнительных ресурсов тем областям России, куда вынужденно переселялись турки из Узбекистана, с целью помочь этим людям в адаптации. Подавляющее **большинство** месхетинцев приехало в КК напрямую из Узбекистана, **большинство** эвакуированных в 1989 г. в Центральную Россию живет там и настоящее время, а в КК находится **меньшая часть** из примерно 70 тыс. российских турок. Многие из месхетинцев, возможно, в принципе хотели бы вернуться в Южную Грузию, откуда их депортировали в 1944 г. Однако, обеспечение прав и свобод в местах нынешнего проживания никак не связано с перспективами переезда, а «репатриация», при всей ее, кстати, проблематичности и практической сомнительности, может быть только добровольной. По законодательству СССР и России, прописка (регистрация по месту жительства) не рассматривается как синоним «постоянного проживания» и как порождающее обстоятельство. Турки, как и другие советские граждане, постоянно жившие на территории России на момент вступления в силу закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г., то есть 6 февраля 1992 г., и не отказавшиеся в течение года после этого от гражданства РФ, стали российскими гражданами в порядке признания на основании ч. 1 ст. 13 закона; другое дело, что власти вопреки закону не признают это, и турки в КК оказываются в положении лиц без гражданства де-факто.

⁵ Подробнее см. *Осипов А.Г., Черепова О.И.* Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М.: Мемориал, 1996; *Осипов А.Г.* Российский опыт этнической дискриминации: месхетинцы в Краснодарском крае. М.: «Звенья», 1999; *Осипов А.Г.* Положение турок-месхетинцев // Национализм, нетерпимость и ксенофобия в современной России. М.: Московская Хельсинкская группа, 2002, С.306-332.

⁶ Я использую термины «национальная политика» и «миграционная политика» просто в силу их привычности и узнаваемости; анализ и критика этих понятий слишком далеки от задач данной статьи.

⁷ *Малахов В.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001, С.119-120.

⁸ *Ссорин-Чайков Н.В.* Национальные отношения и образ «других» в культуре центральносибирских эвенков: опыт этнографического анализа // Этнические конфликты в СССР. Причины, особенности, проблемы изучения. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991, С.41.

⁹ *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис классов. // *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993, С.67.

¹⁰ *Язькова А.А.* Краснодарский край: социально-экономическое положение и межнациональная напряженность // Конфликт-Диалог-Согласие. Бюллетень. № 5. 2000. Сентябрь-Ноябрь, С.19.

¹¹ *Магомедов А.К., Кириченко М.М.* От Ельцина к Путину: Кремль и региональная Россия (на примере Ульяновской области и Краснодарского края) // Феномен Владимира Путина и российские регионы. Победа неожиданная или закономерная? М.: «Материк», 2004, С.306.

¹² Обзор см. в: *Мукомель В.* Российские дискурсы о миграции // Демоскоп Weekly. 2004. 30 ноября. - <http://www.polit.ru/research/2004/11/30/demoscope179.html>.

¹³ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991, С. 42, 50.

¹⁴ Краевые новости. 2003. № 19. 31 мая; для сравнения – в 1959-1970 гг. население возросло на 20,4%, в 1970-1979 гг. - на 5,8%, в 1979-1989 гг. – на 6,5% (там же).

¹⁵ Регионы России: Информационно-статистический сборник. - Т.2 - М.: Госкомстат России, 1997, С.465-467.

¹⁶ *Попов А.* Краснодарский край //Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад. 2000. М.: Центр по изучению и разрешению конфликтов Института этнологии и антропологии РАН, 2001, С.209.

¹⁷ См. напр. *Карасев И.* Каждый пятый житель Кубани - мигрант. Ползучий этнический переворот? // Кубанские новости. 2001. 31 мая; *Павлов В.* Экономическая миграция // Вольная Кубань. 2001. 17 мая.

¹⁸ Постановление Главы Администрации Краснодарского края от 12 марта 2001 г. № 174 «О мерах по преодолению социальной напряженности и негативных последствий избыточной миграции в Краснодарском крае»; цит. по базе данных "Миграция и право"- <http://refugee.memo.ru/site/law.nsf/MainFrame1?OpenFrameSet>

¹⁹ Другими словами, за последние 12 лет 20% жителей края сменили место жительства – см. *Осипов А.Г.* Положение турок-месхетинцев, С.311.

²⁰ Используемый здесь термин «расистский» используется в значении, связанном с понятием «новый расизм», которое обозначает категоризацию и репрессивные практики, не обязательно связанные в «расой» в биологической интерпретации; подробнее см. напр.: *Майлз Р., Браун М.* Расизм. М., 2004.

²¹ Национальный состав населения СССР, С. 42, 50.

²² <http://www.wgeo.ru/russia/table.shtml?id=33&code=23>.

²³ Справедливости ради надо отметить, что и 15 лет не прошло, как в стране стали появляться публикации, где наконец-то признается, что все прошлые и настоящие разговоры о «чрезмерной» миграции и

«нарушении этнического баланса» на Юге России являются не более чем бесосновательными и безответственными спекуляциями. – см. *Дзадзиев А.* Демографические процессы в «русских» субъектах Северного Кавказа в постсоветский период // *Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004, С.48-60; *Мукомель В.* Указ соч.

²⁴ *Магомедов А., Кириченко М.* Состязательный авторитаризм, или политический режим по-кубански // *Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте.* М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000, С.97-98.

²⁵ *Магомедов А.* Модернизационные вызовы и политические ответы правящей элиты Краснодарского края // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 1, С.74.

²⁶ *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004, С.299.

²⁷ Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. / Под ред. В. Мукомеля. М.: Центр этнополитических и региональных исследований, 2003, С.17.

²⁸ Очень полезная информация приводится в подборке официальных ответов федеральных ведомств и органов государственной власти субъектов федерации на запросы государственного министра РФ, отвечавшего за национальную политику В.Ю.Зорина – см. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год. К Всероссийскому совещанию в Доме Правительства Российской Федерации 18 апреля 2003 года «О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации». – Т.1 – М.: Правительство РФ, 2003.

²⁹ *Кукуюн В.Г.* Взаимоотношения казаков и армян на Кубани в свете событий XX века // *Судьбы разделенных народов: история и современность.* Нижний Новгород: ФИСНИМО ННГУ, 1996, С.81.

³⁰ Краткий обзор краснодарской политики имеется на сайте Центра этнополитических и региональных исследований; см. Краснодарский край. Приоритеты и политика региональных властей - <http://www.indem.ru/ceprs/Minorities/Krasnod/Krasnod03.htm>; также интересный сравнительный обзор приведен в: *Гвоздецкая И.* Основа стабильности // *Кубань сегодня.* 2004. 5 ноября.

³¹ П. 2.1. Приложения № 1 к постановлению главы администрации Краснодарского края от 25 июля 2002 г. № 826; цит. по копии с оригинала.

³² Информация о реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае // *Концепция государственной национальной политики Российской Федерации.* – Т.1 – С.293-299.

³³ Маленький, но показательный штрих. В апреле 2002 г., в самый тяжелый период, когда гонения на тюрк-месхетинцев, а заодно всех, кого записали в «мигранты», достигли пика, в краснодарской Академии МВД при участии чинов краевой администрации прошла одна из первых в стране конференций, посвященная «развитию установок толерантного сознания».

³⁴ *Ишков С.* Всех нелегалов попросят вон! // *Русский курьер.* 2004. 25 ноября.

³⁵ *Воронков В.* Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.* М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002, С.43-45

³⁶ Возвращение тюрк-месхетинцев в Грузию – вопрос добровольный и индивидуальный (Краснодарский край) - *Новости России.* ИА REGNUM. 16 октября 2003 г. - <http://www.regnum.ru/allnews/168537.html>

³⁷ *Карпенко О.* Языковые игры с "гостями с юга": "кавказцы" в российской демократической прессе 1997-1999 гг. // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ.* М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002, С.173-191.

³⁸ Наглядной иллюстрацией того, как реализуются такие возможности, может служить передача по каналу НТВ «Свобода слова» от 22 марта 2002 г., во время которой, пожалуй, впервые миграционные «проблемы» Краснодарского края так, как их представляют местные власти, были озвучены для столь большой аудитории (<http://www.svobodaslova.ru/svobodaslova>). Выступавший губернатор края А.Н.Ткачев изначально открестился от того, что краевая кампания гонений на «нелегалов» мигрантов этническую подоплеку. Между тем, участникам дискуссии и всей телеаудитории были продемонстрированы отрывки сделанного по заказу краевой администрации фильма, в котором в качестве «нежелательных» и «вредных» мигрантов показаны представители меньшинств, а главная «миграционная проблема» сведена к «нарушению этнодемографического баланса» и к появлению «мест компактного проживания» отдельных национальных групп.

³⁹ Строго говоря, по ряду показателей советская прописка не тождественна регистрации по месту жительства, но в данном контексте отличия не имеют значения, и я использую оба понятия как синонимы.

⁴⁰ В данном случае я не буду касаться обширной и интересной темы сравнения советской и российской паспортных систем; они имеют много общего в своей основе и в деталях. Вкратце отмечу, что с точки зрения обеспечения прав граждан сравнение оказывается не в пользу нынешней системы. В этой связи можно назвать хотя бы два обстоятельства: в советское время практически не применялся такой институт, как «регистрация» (ныне регистрация по месту пребывания), провоцирующий милицейские проверки;

прописка не была столь жестко привязана к жилому помещению, можно было в принципе иметь прописку независимо от наличия жилья.

⁴¹ Здесь надо подчеркнуть, что я говорю о формальных правилах, а не о практиках.

⁴² Отношения между, с одной стороны, паспортной системой, с другой – законодательством об иностранцах и гражданстве более подробно рассмотрены в частности в: *Осипов А.Г.* Что в России означает понятие "регулирование миграции"? // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004, С.15-45.

⁴³ Сколько-нибудь подробное описание всех этих актов в данной статье представляется невозможным хотя бы ввиду их многочисленности. С 1987 г. до августа 1992 г. действовали просто не детализированные «ограничения прописки», в августе 1992 г. Решением сессии крайсовета были установлены правила, которые в основном воспроизводятся во всех последующих актах. При этом необходимо иметь ввиду, что многие важные положения устанавливаются не только актами крайсовета или Законодательного Собрания, но и принимаемыми как бы на их основе и во исполнение постановлениями исполнительной власти. Различия между отдельными актами для данной статьи не имеют принципиального значения. Достаточно подробный обзор краснодарской системы по состоянию на 1998 г. приведен в: *Осипов А.Г.* Регистрация по месту жительства и месту пребывания в Краснодарском крае // Вынужденные мигранты и государство. М.: ИЭА РАН, 1998, С.139-166.

⁴⁴ Это давление проводится очень последовательно вплоть до того, что паспортно-визовая служба не исполняет решения суда о регистрации месхетинцев и выдаче им российских паспортов; подробнее см. напр. Положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае. Февраль 2004 года - <http://www.memo.ru/hr/discrim/4turki02.htm>; Положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае. Май 2004 года - <http://www.memo.ru/hr/discrim/4turki05.htm>.

⁴⁵ Подробнее см. О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Июнь 2003 г. — май 2004 г. М.: ПЦ «Мемориал», 2004 - [http://refugee.memo.ru/C325678F00668DC3/\\$ID/96D80F670E39CFF6C3256EC100772258](http://refugee.memo.ru/C325678F00668DC3/$ID/96D80F670E39CFF6C3256EC100772258); Ганнушкина С.А. О положении жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. М.: ПЦ «Мемориал», 2002, С.18-22.

⁴⁶ Подборка такого рода текстов приведена в: *Осипов А.Г.* Российский опыт этнической дискриминации, С.175-194.

⁴⁷ На Кубани – стабильная ситуация // Краснодарские известия. 2002. 29 мая.

⁴⁸ [Н.Зубаревич] Южный федеральный округ // Федеральная реформа 2000 – 2003. – Т.1 – Федеральные округа. М.: МОНФ, 2003, С.267-268.

⁴⁹ Беседа Президента Владимира Путина с журналистами ведущих кубанских СМИ // Вольная Кубань. 2002. 20 сентября.

⁵⁰ Турки-месхетинцы имеют право вернуться на свою родину, считает В. Путин // РИА "Новости". 2003. 3 октября.

⁵¹ В лучшем случае делаются попытки поставить вопрос о содержании понятия «нелегальные мигранты» - см. *Мукомель В.* Дискурсы миграции.

⁵² *Воронина Н.* Миграция в контексте толерантности // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004, С.317.

⁵³ Документ официально не публиковался; опубликован в: *Осипов А.Г.* Российский опыт этнической дискриминации, С.144-147.

⁵⁴ Цит. по базе данных "Миграция и право": <http://refugee.memo.ru/site/law.nsf/MainFrame1?OpenFrameSet>

⁵⁵ Продержаться до конца ночи // Кубанские новости. 1994. 31 марта.

⁵⁶ Турки-месхетинцы: долгий путь домой // Кубанские новости. 2002. 13 марта.

⁵⁷ Информация о реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Краснодарском крае // Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. – Т.1 – С.299.

⁵⁸ Михаил Савва: "Кубани необходима программа государственной политики в отношении этнических общностей" // ИА REGNUM. 3.09.2003. - <http://www.regnum.ru/news/152660.html>.

⁵⁹ Последние 10 лет я ждал, когда же М.В.Савва сошлется не на анонимных «зарубежных» или «британских» «ученых», а хотя бы на одну конкретную западную публикацию, где «порог толерантности» обосновывался бы конкретными исследованиями - не дождался. И не удивительно – пришлось бы волей-неволей признавать, что читателю предлагают лежалый товар. Идея «порога толерантности» появилась в 1970-е годы в результате теоретических спекуляций, а не конкретных исследований, была раскритикована и сдана в архив; об этом можно прочесть, например, в: *Stocke V.* Talking culture: new boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe // *Current Anthropology*. 1995, Vol. 36, # 1, P.1-24.

⁶⁰ См. напр. Расизм в языке социальных наук. СПб: "Алетейя", 2002.

⁶¹ *Воробьев С.М., Ерохин А.М.* Этнополитические процессы на Северном Кавказе: источники, движущие силы, тенденции. Ставрополь: Министерство образования РФ, Ставропольский государственный университет, 2002, С.112

⁶² См. напр. *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов-на-Дону, Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002.

⁶³ *Язькова А.А.* Указ. соч., С.19, 21.

⁶⁴ Миграция и безопасность в России. / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.:Московский Центр Карнеги. - М.: Интердиалект+, 2000, С.173.

⁶⁵ *Аствацатурова М.А.* Указ. соч. С.348.

⁶⁶ *Савва М.* Краснодарский край // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004, С.286; не могу не заметить, что все в этом отрывке – ложь или полуправда. 11 тыс. - не общее число месхетинцев в КК, а оценочное число остающихся без прописки. Между тем, 4300 чел. с российским гражданством, на которых ссылаются власти, - это в основном те, кто жил в крае до 1989 г. и их потомки. Международное общество «Ватан» вообще не имеет внятной позиции, а краснодарское краевое отделение общества выступает не за *политическое* решение, а за исполнение закона.

⁶⁷ *Савва М.* Интеграция мигрантов в южно-российском регионе // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004, С.66-69.

⁶⁸ Рассылки помянутого Новороссийского комитета по правам человека и сводки Правозащитного Центра «Мемориал», составляемые с его же участием, остаются, по сути, единственным источником информации о происходящем в местах, где живут турки; беда в том, что очень малая часть этих сообщений востребуется СМИ.

⁶⁹ Впрочем, в материалах Сети можно прочесть куда более интересные вещи; например, такое: «*Позитивный эффект может дать также организация специальных подразделений миграционной полиции, призванной выявлять и дезавуировать фиктивные браки, заключенные с целью получения московской регистрации*». – Филиппов В. Москва // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2001. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002, С.65. Или, например, выяснить наконец, что понятия «нелегальные мигранты» и «иностранцы и лица без гражданства» - это полные синонимы - см. *Полякова Т.* Миграционная политика и курдский вопрос // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. 2002. № 43, май-июнь, С.26.